

**Posudek oponenta disertační práce Prof. Valerije Mokienka, DrSc.
“Фразеологизмы в политическом дискурсе (на материале публичных
выступлений политиков в России И Чехии)”
předkládané v roce 2019 na na Ústavu východoevropských studií FF UK**

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

на соискание учёной степени philosophiae doctor (Ph.D):

Ekaterina A. Rycheva, Ph.D. Frazémy v politickém diskurzu (na základě veřejných projevů politiků v Rusku a České republice); Фразеологизмы в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков в России И Чехии); Phraseologisms in political discourse (based on public speeches of politicians in Russia and Czechia).

Studijní obor: Slovanské filologie Ruský jazyk. **Školitel:** PhDr. Mgr. et Mgr. Natálie Rajnochová, Ph.D. Univerzita Karlova Filozofická fakulta.

I. Stručná charakteristika práce

Политики, определяющие судьбы наших стран, сами находятся под прессом многих факторов, определяющих их стратегию и тактику. Одним из мощных факторов, воздействующих как на электорат, так и на самих политиков, является политический дискурс. Искусство слова, умение воздействовать на слушателей и зрителей всей мощью речевого искусства, стало действенным инструментом основной цели политики – захвата власти и её удержания. Этот языковой феномен требует пристального лингвистического изучения. Именно он и стал целью диссертационного труда Екатерины Алексеевны Рычевой. На материале использования фразеологизмов в дискурсе ведущих российских и чешских политиков диссертантка делает попытку – и сразу скажу: попытку успешную – выявить основные функции, когнитивно-прагматические и лингвокультурологические особенности русских и чешских фразеологизмов в политическом дискурсе, описать и проанализировать особенности их контекстуального употребления в заданных самим жанром прагматических устремлениях. Тем самым Е.А. Рычева выступает в роли лингвохудожницы, живописующей речевой портрет избранных ею политиков, обрамляя его рамками антропоцентрической парадигмы.

II. Stručné celkové zhodnocení práce

При движении к цели Е.А. Рычева успешно и обосновано решает ряд весьма актуальных исследовательских задач: рассмотрение специфики политического дискурса и имиджеобразующие характеристики речевого портрета политика; определение особенностей имиджевых жанров политического дискурса; демонстрацию роли метаязыковых комментариев в речи политиков; характеристику функционально-прагматических особенностей ФЕ в речи политиков в России и Чехии и определение специфики речевого портрета российских и чешских политиков в зеркале употребления ими фразеологических единиц. Всё это позволяет диссертантке выявить и объективно описать механизмы манипулятивного функционирования ФЕ в политическом дискурсе, который, по лапидарной формулировке Н.Д. Арутюновой, является «речью, погруженной в жизнь» (Арутюнова 1990: 136-137 - ср. с. 41 диссертации). Анализ многочисленных контекстов показал, что прагматический потенциал ФЕ в российском политическом дискурсе характеризуется намеренным отступлением от стилистических

норм в сторону понижения регистра. В этом видится теоретическая значимость труда Е.А. Рычевой.

III. Podrobné zhodnocení práce a jejích jednotlivých aspektů

Структура работы подчинена задачам исследования. В первой главе раскрывается специфика функционирования фразеологических единиц в политическом дискурсе, излагаются различные трактовки терминов *фразеологизм* (ФЕ) и *фразеология*, а также делается критический обзор современных понятий *дискурс* и *политический дискурс*. Во второй главе производится детализированная и материально обоснованная реконструкция речевого портрета политиков, стоящих у кормила власти России и Чехии. Такая реконструкция основывается на трёх параметрах: описание и анализ имиджевого жанра политического дискурса, метаязыковые комментарии и особенности употребления фразеологизмов.

Научная новизна исследования Е.А. Рычевой заключается в комплексном анализе когнитивных и прагматических особенностей ФЕ, используемых в политическом дискурсе в России и Чехии в сопоставительном аспекте, описании его современных имиджевых жанров политического дискурса и характеристике имиджеобразующих свойств фразеологии.

Важно при этом, что сквозь теоретические фильтры исследовательница пропускает столь специфический материал, как фразеология, имеющая мощный прагматический потенциал. Сам этот материал самоценен как в количественном (около 2000 единиц), так и в качественном отношении уже потому, что он получен исследовательницей методом сплошной выборки из стенограмм публичных выступлений избранных ею политиков в период с 2012 по 2019 гг. Практическое значение этого материала – в потенциальной возможности на его основе создать фразеологический словарь русских и чешских политиков.

Усиленная пространством интернета – политическими блогами, страницами в социальных сетях и политическими мемами, не говоря уже о знаменитом «Твиттере» Дональда Трампа, Фразеология становится энергетическим средством речи политиков. «Во фразеологизмах, – как верно подчёркивает Е.А. Рычева, – в готовом виде заключена информация о мировоззрении, миропонимании, национальных и культурных особенностях носителей языка, поэтому ФЕ являются неотъемлемым компонентом создания образности и выразительности в политической коммуникации» (с. 55). Вот почему они столь эффективно и эффектно «используются в политическом дискурсе с целью повышения экспрессивности высказывания, установления контакта с аудиторией, воздействия на собеседника и склонения его к определённом выбору» (с. 146). Но такое использование возможно лишь тогда, когда речетворец-политик владеет этим мощным арсеналом и умеет применить его в сложных перипетиях борьбы за власть. Диссертантка тонко демонстрирует разную шкалу владения фразеологической палитрой у 5 главных персонажей политического дискурса, стоящих у кормила правления Российской Федерации и Чешской Республикой.

Ожидаем, но в то же время убедительно доказуем собственно лингвистический вывод Е.А. Рычевой: В.В. Путин и М. Земан гораздо активнее и ярче владеют «обертнами смысла» чешской и русской фразеологии, чем Д.А. Медведев, Б. Сobotка и А. Бабиш. Быть может, в этом – один из секретов той властной пирамидальной иерархии, в которую они были демократически избраны.

Речевые фразеологические портреты «великолепной пятёрки» русских и чешских политиков выписаны диссертанткой настолько пластично, что ими можно украсить любую национальную характерологическую галерею.

Любопытно (и в то же время показательно) при этом, что речевые портреты президентов Российской Федерации и Чешской республики по сравнению с портретами их премьер-министров обнаруживают заметное дискурсно-типологическое сходство. Ведь «имиджевыми каналами коммуникации с аудиторией для президентов В. Путина и М. Земана являются традиционные жанры; а премьер-министры обеих стран общаются с аудиторией в социальных сетях» (с. 147), что, между прочим, иллюстрируется и убедительно «материализованным» Приложением 1 (с. 169).

Дискурс российского и чешского президентов характеризуется использованием стилистически сниженных ФЕ, которые усиливают экспрессивность, эмоциональность и образность их речи, создавая имидж решительных лидеров. Арготизмы и вульгаризмы также входят в креативную палитру их речевых портретов. Для речевого поведения М. Земана как мудрого руководителя и профессионала при этом характерна интерпретационно-назидательная и прагматичная позиция с яркой аксиологической составляющей. «Народность» его имиджа при этом колоризируется и употреблением вульгарных фразеологизмов (типа *zdvihnout zadek z gauče* – с. 105-106), хотя по сравнению с количеством таких оборотов в речи В.В. Путина их немного: по подсчетам Е.А. Рычевой, у чешского президента их 3 (из 400 – с. 107), а у русского – 47 (из 717, включая просторечные единицы и арготизмы – с. 89-90). Пословицы, поговорки, крылатые выражения и т. п. являются также характерными маркерами фразеопотребления президентов. И диссертантка не только приводит наглядные иллюстрации этому, но и пунктуально подсчитывает количественную квоту каждого типа таких единиц. Не упускается из виду, естественно, и дискурсивная специфика. Так, если дискурс М. Земана отличает употребление ФЕ латинского происхождения и нарочитая демонстрация знания им английского языка (*Není to můj šup of tea*), то речевой портрет В.В. Путина окрашен национальной спецификой, апелляцией к народной мудрости («как у нас <в народе> говорят»), употреблением арготизмов и спортивного дискурса.

Не менее точны и объективны речевые портреты Д.А. Медведева, Б. Сobotки и А. Бабиша, нарисованные Е.А. Рычевой. Все они по-своему стремятся в меру своих языковых компетенций и намерений сделать свою речь образной, выразительной и эффективной для создания и поддержания имиджа честного, открытого и искреннего политика, пекущегося о народном благе. Удаётся ли им это делать – судить русскому и чешскому народам.

При всех различиях дискурсивных характеристик русских и чешских политиков, у них обнаруживается и общая цель – демократизировать процесс коммуникации и поддержать свой имидж как харизматичной личности и вместе с тем – открытого и искреннего политика, который служит своему народу и говорит с ним на одном языке.

IV. Dotazy k obhajobě

Как видим, научный труд Е.А. Рычевой соответствует всем критериям диссертационного исследования и является существенным вкладом в современную социолингвистику, лингвокультурологию и фразеологию. Долг оппонента вместе с тем заставляет меня высказать несколько дискуссионных и критических замечаний.

1. Диссертантка относит к терминам *фразеологизм* и *фразеологическая единица* «разнообразные устойчивые обороты на основе следующих признаков: наличие в составе ФЕ двух и более слов-компонентов, воспроизводимость и экспрессивность», подчёркивая при этом, что «в объект исследования входят также пословицы и поговорки, афоризмы, прецедентные феномены и другие устойчивые обороты» (с. 18). В принципе, конечно, каждый исследователь волен избрать импонирующее ему узкое

или широкое понимание термина *фразеологизм* и диссертанту хорошо известны дискуссии по этому поводу. Но дело не в том, что я как сторонник узкого, «идиоматического» понимания этого термина расхожусь с диссертанткой. Спорно иное: в разряд фразеологизмов, как мы видели, Е.А. Рычева включает и *поговорки*. Но *поговорки* (чеш. *rčení*, англ. *saying*, фр. *dicton* и т.п.) – это те же *фразеологизмы* – не стоило бы их в этом терминологическом ряду отделять друг от друга по неизвестному признаку. Включая же в этот ряд и *прецедентные феномены*, диссертантка также впадает в ситуацию терминологической амбивалентности: ведь в состав таких «феноменов» могут входить воспроизводимые единицы самого разного лингвистического типа – в том числе и фразеологизмы в узком смысле (например, знаменитое *sorry jako* А. Бабиша – с. 134) или афоризмы типа старой шутки, осовремененной В.В. Путиным «Кто не хочет кормить свою армию, будут кормить чужую» (с. 86).

2. Отмеченная терминологическая амбивалентность могла бы быть оспорена, если бы не налагала отпечатка на классификацию отобранного материала, предложенную Е.А. Рычевой. Ею выделены 12 групп фразеологизмов, употребляемых в политическом дискурсе (с. 146):

1) фразеологизмы из общенационального фонда; 2) фразеологизмы, связанные с античной мифологией, 3) библеизмы; 4) латинизмы; 5) экономическая терминология; 6) фразеологизмы из профессиональной сферы; 7) пословицы и поговорки; 8) цитаты и крылатые выражения; 9) стилистически сниженные ФЕ: сленговые ФЕ, арготизмы, просторечные ФЕ, вульгаризмы; 10) прецедентные единицы; 11) трансформированные ФЕ; 12) окказиональные ФЕ.

Внимательно взглядевшись в эту классификацию, можно заметить, что она разнокалиберна до разнородности, т.е. сформирована на основе разных критериев, что противоречит требованию классификационного единства. В самом деле: **рубрики 1-6** организованы по критерию источника (resp. происхождения) ФЕ, **рубрики 7-9** – по критерию принадлежности к определённым языковым типам паремиологии и афористики и в какой-то мере дублируется **рубрикой 10** по признаку прецедентности; **рубрика 9** выделена по признаку стилистической и социолингвистической маркированности; а, наконец, **рубрики 11-12** отражают признак варьированности (между прочим, разный у разных групп фразеологии в широком смысле этого термина).

Словом, предложенная классификация **не рядоположена**, а представляет собой сложение классификаций по различным критериям. В то же время подчеркну, что каждая из анализируемых в данной «слагаемой» классификации рубрика ценна и показательна для речевых портретов избранных политиков.

3. Несколько противоречивым кажется утверждение диссертантки, что «для речевого портрета Б. Сobotки характерно использование ограниченного числа фразеологических единиц», что «делает его речь безэмоциональной и невыразительной» (с. 132). Ведь во-первых, в специальном разделе сама Е.А. Рычева приводит ряд удачного употребления премьер-министром фразеологизмов в широком понимании термина (*daňový ráj, držet palce, tahat z ohně kaštanů* и под.) и их креативных трансформаций (*papír a Twitter snese vše, lít kbelíky špíny a pomluvy*). Во-вторых, статистика фразеопотреблений политика, приводимая автором в таблице 4 (с. 132) впечатляет: Б. Сobotка употребил **96 фразем** разного типа, что никак не мог бы сделать косноязычный государственный деятель вроде лидера советского застоя Л.И. Брежнева.

4. Трудно придаться к языку и стилю самой исследовательницы. Мне попала лишь одна синтаксическая тавтология местоимения *который* в одном предложении: «Использование латинизмов в речи президента проявляет специфические черты, *которые* зависят от целевой аудитории, к *которой* направлено сообщение» (с. 102). В

целом же и русский, и чешский языки в диссертационном тексте предельно корректны и точны, что особенно важно при обработке столь знакового материала.

V. Závěr

Таким образом, и постановка проблемы, и её решение, и анализ конкретного материала Е.А. Рычевой показывают, что чешская славистика обогатилась оригинальной и свежей работой. Диссертантка последовательно воссоздала речевой портрет ведущих политиков Росси и Чехии во всей их фразеологической полифонии и специфике. Теоретическая основательность, актуальность и новизна, вдумчивый анализ конкретных фактов, точность дефиниций, корректность классификаций, языковой вкус при отборе материала и проникновение в его семантические глубины – основные научные качества диссертационной работы Е.А. Рычевой.

Высоко оценивая этот труд, с полным основанием следует признать, что его автор заслуживает присуждения ей учёной степени *philosophiae doctor (Ph.D)*.

Рекомендую диссертационную работу Е.А. Рычевой к защите.

Диссертация полностью соответствует профилю Совета «Славянская филология» и отвечает требованиям, предъявляемым к диссертационным работам на соискание учёной степени *philosophiae doctor (Ph.D)*, а автореферат отражает основные положения диссертации.

14.11.2019

В. М. Мокиенко,
профессор кафедры славянской филологии,
научный руководитель Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина
Санкт-Петербургского гос. университета,
доктор филологических наук